

ТЫ ДОЛЖЕН
УВИДЕТЬ
ЭТО САМ

Данилов Александр

Александр Данилов

Ты должен увидеть это сам

«Автор»

2026

Данилов А.

Ты должен увидеть это сам / А. Данилов — «Автор», 2026

Детектив Лиам Барнетт просыпается не в лучший день своей жизни. Пропавший самолёт в новостях. Вызов на место пожара, где среди руин ждёт тело — обугленное, безымянное и совершенно необъяснимое. Смерть здесь не похожа на смерть. Тело сгорело изнутри — не от огня, а от чего-то, чему у науки пока нет названия. Никаких следов. Никакой личности. Никакого владельца здания. Призрак в доме-призраке. Но среди пепла Лиам находит нож. А на клинке — гравировку: «ТЫ ДОЛЖЕН УВИДЕТЬ ЭТО САМ, ЛИАМ». Те же слова были на подарке его жены Мии, которую он похоронил полгода назад. За один день рушится всё, во что он верил. Жена, которую он не знал. Смерть, в которую он не должен был верить. И послание, которое адресовано лично ему — кем-то, кто знает о нём слишком много и давно ждёт, когда он наконец откроет глаза.

© Данилов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение.	5
Глава 2. Научный центр Горизонт.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Данилов

Ты должен увидеть это сам

Глава 1. Пробуждение.

Нежный голос пробился сквозь пелену сна. — Дорогой... Лиам почувствовал теплое прикосновение и, еще не открыв глаз, улыбнулся. Ему грезилась она. Его жена Мия. — Просыпайся... Кто-то нежный и тёплый шевельнулся под одеялом. Он потянулся к этому призраку. Сознание пронзила тревога. Лиам резко открыл глаза. На нём сидела девушка. Но это была не Мия. — Джессика? — его голос прозвучал хрипло и пусто. — А кого ты ждал? — отрезала она, соскальзывая с кровати и накидывая халат. В её тоне звенела подавленная злость. — Как ты сюда попала? — (спросил)уже рычал Лиам, садясь. — Но ты же сам... — начала Джессика. — Вон! — не дав договорить, приказал он. — Сию же секунду! Она не ответила. Только тихие всхлипы и хлопок входной двери нарушили гнетущую тишину. Лиам закурил. Включил телевизор на автомате. «...Самолёт с 365 пассажирами на борту, рейс Сидней — Нью-Йорк, пропал с радаров. Поиски продолжаются...» Звонок мобильного врезался в монотонный голос диктора. — Лиам, тебе стоит приехать, — без предисловий произнесла Элис. — И тебе доброго утра, — буркнул он, туша сигарету. — Еду.

Дорога уперлась в чёрные ворота. За ними, среди заросшего парка, высился каменный исполин — особняк, своими зубчатыми башенками напоминавший замок. Чёрные, обугленные стропила зияли на месте крыши. Воздух был густым и едким, пахло (дымом)пеплом и смертью. Лиам переступил через порог. Хруст пепла под подошвами казался оглушительно громким. В центре бывшей гостиной, в круге света от прожекторов, Элис сидела на корточках рядом с почерневшим телом, лежавшим на животе. Одна рука была направлена вдоль тела. А другая вдоль головы. — Что у нас? — спросил Лиам, его лицо — непроницаемая маска. — Мужчина, сорок-пятьдесят, — Элис подняла усталые глаза. — Картина странная. Не похоже, что он тут сгорел... К ним подошёл старший криминалист Джеко. — Огонь был адским. Следы... Следы были оставлены после пожара. — То есть, кто-то притащил сюда уже обгоревший труп? — медленно переспросил Лиам, обводя взглядом руины. — Предварительно — да, — Джеко пожал плечами. — Огонь — лучший маскировщик. Но иногда он и подсвечивает странности. Лиам надел перчатки и углубился в пепелище. Его фонарь выхватывал из мрака причудливые формы, оставленные пламенем. В углу, под обвалившейся балкой, луч задержался на неестественно ровном контуре. Он присел, (отметл)отгрёб обугленную щепу. Под ней лежал сильно оплавленный, но целый складной нож. Лиам поднял находку. Механизм, к удивлению, поддался. С глухим шелчком лезвие выбросилось наружу. Он протёр клинок. Копоть сошла, обнажив гравировку. Тонкие, каллиграфические буквы, будто выведенные иглой: **ТЫ ДОЛЖЕН УВИДЕТЬ ЭТО САМ, ЛИАМ.**

Вечером Лиам сидел за ноутбуком, настолько увлечённый, что не услышал шагов. Руки мягко обняли его сзади, губы коснулись щеки. — Испугался? — Мия, — он обернулся. — Я не из пугливых. Я не думал, что ты так удержишься. — Не все же тебе пропадать на работе, я вижу ты, как всегда, в ней.

Он поймал её руку, поцеловал в ладонь. Мия протянула ему маленькую бархатную коробочку. — Что это? — Маленький подарок. Сегодня ровно четыре года, как мы женаты. — Спасибо... Я, чёрт, совсем забыл, — виновато произнёс он. — Может, в следующий раз вспомнишь. Пойду разогрею ужин.

Когда она вышла на кухню, Лиам открыл коробку. В ней на чёрном бархате лежал новый, блестящий перочинный нож. На клинке была гравировка: «Ты должен увидеть это сам Лиам».

— Лиам, ты что-то нашёл? — голос Джеко прозвучал прямо за спиной.

Лиам вздрогнул, будто его ударили током. Он резко встал, сжимая в ладони металл. Пальцы в перчатках сами собой сомкнулись вокруг ножа, сунули его в карман. Движение было машинальным, инстинктивным — как у вора, пойманного на месте.

— Нет, ничего, — пробормотал он, даже не глядя на коллегу. Его взгляд был прикован к почерневшему полу, но видел он только эти зловещие, гравированные слова. — Мне нужно кое-что проверить. Справитесь здесь без меня. Встретимся в офисе.

Не дожидаясь ответа, он стремительно зашагал к выходу, ощущая жгучий вес находки у бедра. Каждый хруст пепла под ногами отдавался в висках навязчивым ритмом: *Ты-дол-жен-уви-деть... Ты-дол-жен-уви-деть...*

В машине воцарилась глухая тишина, отсекающая вой ветра в руинах. Лиам сел, достал нож из кармана и осторожно положил его на пассажирское сиденье. Он не заводил двигатель, просто смотрел на обгорелый артефакт, будто ожидая, что тот заговорит.

Затем тронул с места, и сцепление резко бросило машину вперёд. Он ехал почти на автомате, взгляд то и дело соскальзывая на пассажирское сиденье. Отблеск на лезвии с каждой вспышкой в память вбрасывал отрывки воспоминаний.

Лиам вошёл на кухню, держа в руке подаренный нож. Мия стояла у плиты, её силуэт был очерчен мягким светом экрана духовки. Идиллическая картинка, которую он теперь видел словно сквозь треснувшее стекло.

Он положил нож на стол. Металл тихо звякнул о дерево. — Дорогая, этот подарок «Ты должен увидеть это сам». Что именно я должен увидеть? Она не обернулась, только плечи её слегка напряглись. — Мир вокруг тебя, — её голос прозвучал ровно, почти отрететировано. — Мы никуда не ездим. Не путешествуем. Мы уже почти не видимся, Лиам. Ты растворяешься в своих делах, а я я просто жду. — Я думал, ты сама поглощена работой. Твой научный проект. — Знаешь, я старалась приходить раньше. Ждать тебя. Но ты исчезал на сутки. Проект он стал спасением. — Она наконец повернулась, взяв бокал вина. Сделала задумчивый глоток. Её глаза в полумраке казались слишком блестящими. — А что это за проект? — спросил Лиам, ловя её взгляд. Уголки её губ дрогнули в чём-то, похожем на улыбку. — Грандиозный. Опасный. Безумный. — Ты меня пугаешь. — Ты же не из пугливых? — она мягко подколола, но в её тоне не было прежней лёгкости. Она подошла к столу, села напротив, уставившись на нож между ними, будто это не подарок, а ритуальный предмет. — Скажи, Лиам Ты рискнул бы жизнью, чтобы своими глазами увидеть нечто невероятное? Узнать, что реальность — это лишь тонкая плёнка, а под ней существуют другие формы, другая жизнь? — Нет, — резко ответил он. — Зачем мне это? — Чтобы понять, кто мы. И зачем пришли сюда. — Раньше ты такими вопросами не задавалась. — Всё изменилось. Я встретила Человека. — Она произнесла это слово с большой буквы, и по спине Лиам пробежал холодок. — Он перевернул всё в моей голове. Звучало как сказка, как бред. Но теперь я верю ему. Доверяю. Лиам медленно отодвинул свой стул. Звук был оглушительным в тишине кухни. — Ты уходишь к нему? — Почему ты так думаешь? — Потому что ты говоришь о нём так эмоционально. Ты его любишь? — Не выдумывай, — она покачала головой, но её взгляд был где-то далеко. — Я просто вдохновилась. Представь: ты каждый день спотыкаешься об один и тот же кирпич у порога. Сначала злишься, потом привыкаешь. А потом приходит кто-то, видит этот кирпич, поднимает его и отбрасывает в сторону. И говорит: «Зачем тебе эта боль?» Он показал мне преграды, о которые я спотыкалась, сама того не замечая. — Дорогая, я взрослый человек. Я перестал верить в сказки. Моя работа — сопоставлять факты, составлять отчёты, закрывать дела в срок. Я винтик в системе.

Мне не до прозрений. — Тогда и я — всего лишь винтик, — тихо сказала она. — Но я согласилась на экспедицию. Их экспедицию. И я твёрдо решила. Хотела, чтобы ты был со мной. Этот нож — не просто подарок. Это приглашение. **Ты должен увидеть это сам, Лиам.**

Он резко встал, отодвигая стул с таким скрежетом, что она вздрогнула. — Ты переутомилась. И меня утомил этот разговор. Спасибо за ужин. И за подарок. — Я доделаю отчёт. Иначе этих ублюдков снова выпустят под залог, — бросил он уже из дверного проёма. — Лиам — её голос вдруг дрогнул, потеряв всю уверенность. — А если ты больше не увидишь меня? Сможешь без меня? Он замер, потом резко развернулся, за несколько шагов преодолел кухню и, почти грубо, притянул её к себе. Его поцелуй был не нежностью, а скорее печатью, попыткой зафиксировать то, что ускользало. — Не говори ерунды. Я придумаю тебе путешествие. «Поверь», — прошептал он, но звучало это как клятва, данная в первую очередь самому себе. Взяв нож он ушёл в кабинет. Сев за письменный стол он уставился на нож. Буквы гравировки будто пульсировали в полумраке. — «Ты должен увидеть это сам», — повторил он шёпотом.

Он резко свернул к своему дому, сжав руль так, что кости побелели. Нож лежал рядом, немой обвинитель и единственная нить в тёмном лабиринте, куда его только что втокнули.

Лиам ворвался в дом. Его движения были резкими, отрывистыми. Он подошёл к письменному столу, рванул верхний ящик. Бумаги, папки, ручки — всё полетело на пол. Не там. Второй ящик. Старые исписанные блокноты. Ножа нет. Третий ящик застрял. Лиам дёрнул его со всей силы, слыша, как дерево трещит. В глубине, под стопкой нераспечатанных счетов, лежала та самая бархатная коробочка. Он схватил её, откинул крышку. Пусто. Всё внутри него оборвалось. Он медленно опустился на стул, не выпуская коробки из рук. Тишина в доме стала звонкой, давящей. Его взгляд упал на фотографию с Мией в рамке. Улыбающаяся и счастливая. Он достал телефон. Палец дрожал, когда он набирал номер. — О, Лиам, привет! — голос Джессики прозвучал неестественно бодро, с ноткой надежды. — Джессика, — перебил он её, голос низкий, натянутый как струна. — Как ты попала в мой дом утром? Наступила пауза. — Я я думала... Ты же сам — Ключи, — врезался он в её речь. — Откуда у тебя ключи от моего дома? — Конверт с ключами у двери. Там была записка «Приходи. Я жду». Я подумала, это ты, — её голос стал тише, растерянным. — Это было не от тебя? — Когда? — односложно выдохнул Лиам. — Вчера вечером. Поэтому и пришла к тебе, как только смогла вырваться с работы.

— Ты не брала нож? — грубо спросил Лиам.

— Какой нож, о чем ты? — тревожно ответила Джессика.

— Что за чёрт — прошептал он больше для себя. — Лиам, что-то случилось? Ты меня пугаешь. — Я сейчас подъеду. Никуда не уходи. — Хорошо.

Лиам смотрел на фотографию Мии. Улыбка на снимке была спокойной, ничего не предвещающей. И тогда его накрыло. Не просто воспоминание — волна холодного, липкого ужаса, который он полгода назад загнал в самый дальний угол памяти.

Звонок застал его за рулём, когда он ехал на смену. — Здравствуйте, это Лиам Барнетт? — вежливый, почти безличный голос в трубке. — Да, я. — Говорит администрация Научно-исследовательского центра «Горизонт». В связи с вашей супругой, Мией Барнетт. (?) В лабораторном корпусе произошёл инцидент.

Слово «инцидент» прозвучало как щелчок затвора. — Как она? Что с ней? — его собственный голос показался ему чужим, сдавленным. — Её доставили в Центральную городскую больницу. Вас просят подъехать.

Больше он не помнил дороги. Следующее, что отпечаталось в сознании — яркий, бездушный свет холла и резкий запах антисептика.

— Пятый этаж, — сухо ответила дежурная сестра, не отрываясь от экрана. — Реанимационное отделение. Конечный коридор.

Лифт был пустым и холодным. Двери уже начали сходиться, когда в проём втиснулся мужчина. Невысокий, в аккуратном бежевом плаще, с небольшим, слишком пёстрым букетом в руке. Он молча нажал кнопку пятого этажа — ту же самую, что горела под пальцем Лиам.

Кабина поплыла вверх. Тишину нарушил только мягкий гул механизмов. — Вы тоже на пятый? — спросил незнакомец. Голос у него был тихий, певучий, без эмоций. Лиам, уставившись в стальные двери, промолчал. У него не было сил на беседы. — Я — к маме, — продолжил мужчина, как будто ему ответили. Он повертел букет перед собой, изучая его с лёгким недоумением. — Несу ей эти цветы. Кажется, они ей нравятся. А может, и нет. Трудно сказать. Она уже не в состоянии сказать, что ей нравится. Смерть — интересная штука и каждый из нас увидит её сам.

Лиам почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Он боковым зрением поймал взгляд незнакомца — спокойный, изучающий, будто он разглядывал не человека, а экспонат.

Дзинь. Пятый этаж. Двери открылись. Незнакомец вежливо кивнул, пропуская Лиам вперёд. — Надеюсь, ваш визит окажется более продуктивным, чем мой, — произнёс он тем же ровным тоном и повернул в длинный, уходящий в полумрак коридор.

В палате реанимации пахло лекарствами и стерильной чистотой. Врач, мужчина с усталым лицом, говорил тихо, подбирая слова: — Обширные химические ожоги, поражение дыхательных путей и лёгких Мы сделали всё, что могли. Шансов не было с самого начала. Принесим искренние соболезнования.

Лиам тогда отмахнулся от той встречи в лифте, списав на стресс и странную больничную атмосферу. Сейчас же, глядя на фотографию, он с леденящей ясностью вспомнил каждую деталь. Букет, который был слишком ярким и праздничным. Плащ, который выглядел как театральный реквизит. И главное — этот взгляд. Пустой и всевидящий одновременно.

И фразу, которая теперь отдавалась в его черепе зловещим эхом: «каждый из нас увидит ее сам».

Лиам подъехал к дому Джессики. Нажал кнопку звонка

Как только щель между косяком и полотном стала шире ладони, он резко нажал плечом и вошёл внутрь. Джессика отпрянула, широко раскрыв глаза.

— Лиам, что ты?

— Ключи. И конверт. Отдай, — его голос был низким, плоским, лишённым всяких интонаций. Он не здоровался, не объяснялся. Просто протянул раскрытую ладонь, как требователь.

Она безмолвно кивнула, сунула руку в ящик старого комода в прихожей и подала ему связку и простой белый конверт, смятый по краям. Лиам выхватил их. Его взгляд, отточенный годами, мгновенно оценил улику: дешёвая типографская бумага, текст «Приходи. Я жду. Лиам», распечатанный на самом обычном принтере. Подпись «Лиам» была самой наглой подделкой.

— Лиам, что происходит? — прошептала Джессика. В её глазах плавал испуг, замешанный с обидой и полным непониманием.

Вместо ответа он сунул руку во внутренний карман пиджака и достал небольшой пластиковый кейс. Щелчок застёжки прозвучал как выстрел. Внутри лежали стерильные салфетки и несколько листов дактилоскопической плёнки.

— Палец. Указательный. Прикоснись здесь, — он оторвал защитный слой, обнажив липкую поверхность, и протянул её Джессике, не глядя ей в глаза.

Она покорно, почти автоматически, прижала палец к плёнке. Её движения были медленными, будто во сне. Лиам так же методично упаковал отпечаток, вернул кейс в карман, а ключи и записку — в отдельный маленький бумажный пакет для улики, который всегда носил с собой.

— Лиам — начала она снова, но он уже разворачивался к выходу.

Через пятнадцать минут он был в участке. Не заходя в свой кабинет, он направился прямо в лабораторию. Положил пакет на стол эксперту-криминалисту Харпер.

— Харпер, срочно. Вещдок. Нужно снять всё, что есть. Исключи отпечатки мои и Джессики Моррис — образец в кейсе. Мне нужны все посторонние, особенно на внутренней стороне конверта и на ключах. И анализ бумаги, чернил.

Харпер взяла пакет, оценивающе взглянув на него. — Личное дело? — Самое личное, — коротко кивнул Лиам.

Лиам направился в кабинет к Джеко. Зайдя, он застал Джеко и Элис склонившимися над столом, уставленным фотографиями с места пожара. В воздухе висела тяжёлая, сосредоточенная тишина, нарушаемая лишь шелестом снимков.

— Лиам, садись, — кивнул Джеко, не отрывая взгляда от увеличенного кадра, на котором был виден обугленный контур тела. — Мы как раз ломаем голову.

Лиам опустил в стул, чувствуя, как усталость наваливается тяжёлым плащом, но сознание остаётся ясным и острым. — Что имеем? — спросил он.

— Картина всё страннее, — начала Элис, пододвигая к нему снимок. — Пожар в здании произошёл примерно неделю назад. А тело — она сделала паузу, подбирая слова, — «догорело», условно говоря, вчера вечером. Следы ведут внутрь, а не наружу. Всё указывает, что мужчина пришёл туда самостоятельно уже после пожара. И там, внутри, с ним это случилось.

— Что означает твоё «условно говоря»? — прищурился Лиам.

— Не открытым огнём, — перехватил Джеко, указывая пальцем в макрофотографию кожи. — Видишь структуру? Это не пламя. Это химический или кислотный ожог чудовищной силы, но крайне локализованный. Как будто его не подожгли, а облили жидким пламенем. Он сгорел изнутри, почти равномерно, и очень быстро. Так при обычном пожаре не бывает.

— А личность? Удалось выяснить? — спросил Лиам.

— Пока нет, — ответила Элис. — Специалисты в шоке. Говорят, впервые видят такое. Взять ДНК — она мотнула головой в сторону жутких фотографий. — Отпечатки пальцев уничтожены полностью. Осталась лишь обугленная органика. Работают над извлечением, но шансы малы. Он будто был стёрт не только из жизни, но и из любой базы данных. — Владельца здания мы тоже не можем найти, — добавил Джеко. Призрак в доме-призраке.

В кабинете повисло гнетущее молчание. Лиам откинулся на спинку стула. В голове сложилась абсурдная, но чёткая картина: человек целенаправленно идёт в обгорелые руины, где с ним происходит необъяснимая химическая реакция.

— Значит, у нас есть призрак, — тихо произнёс Лиам. — Он пришёл в здание, которое никому не принадлежит, чтобы устроить себе кремацию новым, неизвестным науке способом.

— Получается так, — подтвердил Джеко. Он отложил фотографию и взял в руки маленький прозрачный пакет с вещдоком. — И это ещё не всё. Похоже, здание использовала какая-то секта. На обгорелых балках мы находили отдельные слова: «Должен», «Сам», «Увидеть», «Это», «Ты». Потом сложили пазл. Получилась фраза: «Ты должен увидеть это сам».

Словно ледяная игла вошла Лиаму под ребро. Он перестал дышать.

— И ключ к разгадке — вот здесь, — Джеко протянул пакет через стол. — У тела на груди был вот этот кулон.

Лиам взял пакет. Его пальцы, обычно твёрдые, на мгновение дрогнули. Внутри лежал кулон из оплавленного металла, почерневший, но сохранивший форму. На нём была гравировка. Тонкая, чёткая, каллиграфическая. Та самая, что он видел сегодня на протяжении дня.

«ТЫ ДОЛЖЕН УВИДЕТЬ ЭТО САМ».

Холодная, ползучая тревога схватила его за горло стальной хваткой.

Он поднял глаза и встретил взгляд Джеко. В нём читался немой вопрос. — Лиам? Ты в порядке? Ты эту фразу где-то видел?

Лиам медленно покачал головой, не в силах вымолвить ни слова. Он не мог сказать правду. Не сейчас.

— Тебе бы отдохнуть, — устало сказал Джеко.

Лиам кивнул, проводя ладонью по лицу. — Да, наверное.

Он вышел из кабинета и медленно двинулся по полутемному коридору участка. Флуоресцентные лампы глухо гудели, отбрасывая резкие тени. Усталость была тяжелой и мутной, как вата в голове.

— Лиам! Зайди! — из приоткрытой двери лаборатории донесся голос Харпер. — Есть первые результаты.

Лиам свернул в дверной проем. Харпер, не отрываясь от микроскопа, жестом указала на стол, где под яркой лампой лежали улики в прозрачных пакетах: ключ, потрепанный конверт и листок.

— Отпечатки, — начала она, наконец подняв взгляд. — На ключах, конверте и записке. Есть твои, есть Джессики... и еще один набор. Ваши — свежие, поверхностные. А вот другие... Они старые. Ими пользовались долго и регулярно. Я бы сказала, эти предметы годами были в руках одного человека. Того, кто написал записку.

— Насколько долго? — голос Лиама прозвучал глухо, хотя внутри все вдруг натянулось, как струна.

— Год. Может, больше, — покачала головой Харпер. — Папиллярные узоры сильно сглажены, но читаемы.

Лиам молча достал из кармана свою связку ключей, снял с кольца личный, домашний, и протянул его Харпер. — Проверь, совпадают ли они с теми, старыми.

Харпер взяла ключ, кивнула и скрылась за дверью внутреннего аналитического отсека. Лиам остался стоять у прозрачной перегородки, отделявшей приемную от стерильной зоны. Он неотрывно наблюдал, как за стеклом, искажающим фигуру, Харпер наносила составы, снимала оттиски, щелкала переключателями на приборах. Тишину нарушало только ровное гудение оборудования и собственный стук сердца в висках. Каждая секунда ожидания тянулась бесконечно, а в голове уже складывалась картина, от которой холодело внутри.

— Эти ключи и твой — идентичны. Выпущены на одном станке, в одной партии. И да... там есть фрагменты отпечатка похожих что на других ключах.

В груди у Лиама что-то ёкнуло, ледяной волной прокатившись по телу. Он медленно достал из потертого бумажника маленькую фотографию. На ней была Мия. Он положил снимок на стол рядом с уликами. — Сравни с этими.

Харпер взяла фотографию, и её взгляд на миг встретился с взглядом Лиама. В её глазах мелькнуло что-то — понимание, тревога. Не говоря ни слова, она снова скрылась в лаборатории.

Лиам стоял, уставившись в мутное стекло, но уже ничего не видел. В ушах стоял гул. Старые ключи... Отпечатки, которые были там всегда...

— Результат стопроцентный, — её голос прозвучал тихо, но чётко, как приговор. — На фотографии — два четких отпечатка. Твой... и владельца этих ключей.

— **Как?!** — вырвалось у Лиама не криком, а каким-то сдавленным хрипом, будто всё воздух разом выбили из лёгких. Он отшатнулся, как от удара.

Лиам молча собрал улики в конверт. Его движения были резкими, механическими. — Спасибо, Харпер, — бросил он, не глядя, и вышел в коридор.

Он почти бежал по длинному коридору. Машинально сел за руль, рванул с места. Городские огни расплывались за стеклом в грязные жёлтые полосы. Мысли билась, как мухи о стекло, но одна была ясна и неотступна нужно поговорить с **Джессикой**.

Он припарковался у её дома, и гулко постучал в дверь. Ждать пришлось недолго.

Джессика открыла. Она стояла в полумраке прихожей, в мятом домашнем халате. От неё пахло сигаретами и виски. — Что, ещё? — её голос был хриплым, а язык заплетался, с трудом выталкивая слова. Она была пьяна, причём крепко.

— Можно поговорить? — спросил Лиам, и в его собственном голосе прозвучала виноватая нота, которая заставила его внутренне содрогнуться.

— Как я поняла, днём тебе не нужно было никакого разрешения, — ядовито бросила она, разворачиваясь к нему спиной. Она пошатнулась и не пошла, а поплыла на кухню, к своему спасительному острову — кухонному столу, где стояла полупустая бутылка и одинокий стакан. Она тяжело опустилась на стул и просто смотрела на пришедшего.

Лиам, не спуская с неё глаз, последовал за ней в кухню. Воздух здесь был спёртый, пропитанный алкоголем и усталостью. Он сел напротив, положив конверт с уликами на стол между ними, как баррикаду.

— Выпьешь? — спросила Джессика, её голос был глухим, лишённым прежней язвительности. В нём слышалась лишь тяжёлая, пьяная апатия.

— Давай, — коротко бросил Лиам. Ему сейчас было нужно не пить, а чтобы руки перестали дрожать. Хотя бы на вид.

Джессика медленно поднялась, чуть качнувшись, и взяла со стола единственный стакан, затем налила до краёв тёмного, тягучего виски и с глухим стуком поставила перед Лиамом. Потом, не глядя на него, она поднесла горлышко бутылки прямо к своим губам и сделала долгий, жадный глоток. Только после этого, вытерла рукой рот и тяжело опустилась обратно на стул. Стекланный взгляд её мутных глаз уставился куда-то в пространство за его плечом.

— Джессика, извини, — начал Лиам, его слова прозвучали неестественно громко в пьяной тишине кухни.

— О-о-о! — Джессика медленно отставила бутылку, её глаза широко раскрылись в преувеличенном, театральном удивлении. — Это что-то новенькое! Лиам извиняется! — Она говорила не ему, а будто бы в пустое пространство вокруг, обращаясь к невидимым зрителям. — Слушайте все! Что же могло с ним случиться? Сердце дрогнуло? Совесть проснулась? — Её голос звенел фальшивой, ядовитой весёлостью. Затем она резко повернула голову к нему, и вся игра моментально сошла с её лица, сменившись ледяным, сфокусированным взглядом. — Повтори. Что ты сказал?

— Извини, — тише, но чётче повторил Лиам, уже глядя ей прямо в глаза.

— За что? — выдохнула она, и в этом коротком вопросе сквозь алкогольную пелену прорвалась неподдельная, сырая боль.

— Я вёл себя... грубо.

— Грубо? — она фыркнула коротким, сухим, безрадостным звуком. — Грубо? Лиам, ты вёл себя не *грубо*. Ты вёл себя как последний козёл. Как эгоистичный, слепой ублюдок, который пинает лежащего. Это не «грубо». Это — подло.

— Если ты не готова меня слушать, я пойду, — произнёс Лиам, сделав движение, чтобы встать. Это была не угроза, а констатация. Ему не хватило бы сил продираться сквозь эту стену ненависти, если за ней не осталось даже щели для диалога.

— Сиди, — резко бросила Джессика, её рука непроизвольно дёрнулась, будто желая физически его удержать. Алкогольная мгла в её глазах на секунду рассеялась, уступив место холодной, кристальной ясности. — Я готова. Зная тебя, ты просто так не пришёл бы.

Она откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди в защитном жесте, но её взгляд теперь был прикован к его лицу. Вся её поза кричала: «Говори. Я терплю. Но это не значит, что я прощаю».

Тяжёлая, давящая тишина наполнила кухню. Лиам взял стакан, сделал глоток. Виски обожгло горло, подарив ложное ощущение контроля.

— На конверте с уликами, — начал он, уставившись в янтарную жидкость, — помимо моих и твоих, отпечатки Мии.

Джессика замерла. Секунду, другую. Её пьяная апатия испарилась, будто её смыло ледяным душем. — Мии? — выдохнула она, и в её голосе было не удивление, а ужасающее непонимание. — Отпечатки... *Мии*? — Она повторила имя, как будто пробуя его на вкус и не веря, что оно может звучать в таком контексте. — Лиам... Этого не может быть.

— Я тоже не могу этого понять, — его голос сорвался на хриплый шёпот. Он сглотнул, пытаясь протолкнуть ком, вставший в горле. — Получается, она... — он не мог договорить, слова застревали, обжигая изнутри.

— Хочешь сказать, она... жива? — Джессика произнесла это шёпотом, словно боясь спугнуть сам призрак этой мысли.

Лиам не смог ответить словами. Он лишь кивнул. Один раз, резко, почти судорожно.

— Ты же понимаешь, что это невозможно! — голос Джессики сорвался с шёпота на хриплый, надтреснутый выкрик. — Мы её *похоронили*, Лиам! Это... это безумие!

— Я бы тоже не верил! — его слова прозвучали сдавленно, сквозь стиснутые зубы. — Но факты — вот они. — Он показал рукой на конверт с уликами. — Её отпечатки везде. Свежие. Подделать такое — невозможно. Харпер не ошибается.

Лиам залпом допил остатки виски. Острая жгучая волна ненадолго вернула ясность мысли. — Возможно, она была вовлечена во что-то... Какая-то секта или закрытая группа. — Он с трудом подбирал слова, строя догадки на лету. — Или они как-то скопировали её отпечатки... Но главный вопрос — зачем? Какой в этом смысл? Что они хотят этим сказать или сделать?

Он с силой поставил стакан на стол. Звон стекла прозвучал резко и тревожно, отдаваясь в тишине кухни, как выстрел.

— Я не понимаю, Джессика, — голос его дрогнул от нахлынувшей усталости и отчаяния. — Но я обязан это выяснить. Я, кажется, совсем не знал свою жену. Не знал, чем она занималась, о чём молчала... Я слишком мало проводил с ней времени.

Он умолк, и в этой паузе повисло всё, что не было сказано за годы.

— Да, — тихо произнесла Джессика. В её голосе не было ни злости, ни упрёка — только горечь и усталая констатация факта. — Ты и вправду был тем ещё козлиной.

Она помолчала, её взгляд скользнул по его лицу, задержался на пустом стакане. Потом, медленно, как будто преодолевая невидимое сопротивление, она потянулась через стол. Взяла его стакан, наполнила до краёв тёмным виски и с тихим стуком поставила обратно перед ним. Не предлагая, не спрашивая. Просто поставила.

Затем, не сводя с него глаз, она подняла бутылку к губам и сделала долгий, жадный глоток прямо из горлышка. Лиам машинально поднял свой стакан и залпом выпил половину. Огонь в груди рассеял туман, но на смену ему пришли другие, более чёткие и куда более страшные картины.

— Может, она... прошла через тот же ритуал, — тихо, почти бесстрастно начал он, глядя в пустоту. — Тот же, что и утренний труп. Сожжение. — Он медленно повернул к Джессике бледное лицо. — Может, кто-то проник в мой дом, достал подарок Мии... и специально унёс её в то здание, чтобы мы нашли. Чтобы я нашёл.

Алкоголь делал своё дело, мысли текли тягуче и беспощадно, выстраивая жуткую логику.

— Какой труп? — переспросила Джессика, её слова уже тоже слипались от хмеля.

— А если она приняла тот же аппарат... получила химические ожоги, а потом... — голос Лиам сорвался. Он говорил уже не с ней, а сам с собой, вслух проговаривая кошмар. — А потом я. я сам подписал разрешение. Я её кремировал. Не задав ни одного вопроса. Даже не взглянув как следует, просто принял на веру, что это она.

Он провёл дрожащей рукой по лицу, пытаясь стереть жгучее ощущение вины. — А эта записка, эти улики... Это не улики. Это приглашение. Нож, который кто-то принес в то здание, чтобы я сам докопался до правды. Чтобы я *увидел сам*. — Он сжал кулаки, костяшки побелели. — И знаешь что? Как бы фантастически это ни звучало... Я сейчас готов поверить во что угодно, лишь бы у этой истории мог быть другой конец. Лишь бы у меня оставалась хоть крупинка надежды, что она жива.

Он залпом допил остатки виски. Огонь в горле уже ничего не согревал. Он замолчал. В густой, давящей тишине комнаты стало слышно лишь тяжелое, прерывистое биение его собственного сердца — глухой барабанный бой.

Только тогда он поднял глаза и посмотрел на Джессику. Она, обессиленная алкоголем и потрясением, уже спала, склонившись на стол. Её дыхание было тихим и ровным. Лиам осторожно поднял её на руки — она была удивительно легкой, будто пустой внутри, — отнёс в спальню и уложил на кровать, накрыв пледом.

Вернувшись в гостиную, он лег на диван и уснул.

Глава 2. Научный центр Горизонт.

Лиам проснулся на жестком диване от онемения в шее и гулкой тишины в квартире. Джессика еще спала.

Он поднялся, разминая затекшие плечи прошел на кухню. Налил кофе.

С кружкой в руке он вернулся в гостиную и сел за ее компьютер. Синий свет монитора в предрассветных сумерках казался неестественно ярким, почти враждебным. На краю стола стояла фотография. Лиам взял ее в руки, ощутив холод стекла. Они с Джессикой, лет шестнадцати, у входа в детский дом. Она смеется, запрокинув голову, он стоит чуть сзади, с рукой в кармане и неуверенной улыбкой. Тогда эта улыбка была от смущения.

Он поставил рамку обратно, аккуратно, точно на то же место, где она стояла

Его пальцы на секунду зависли над клавишами, будто набирая код перед взломом. Затем он медленно, с расстановкой, вбил в поиск: **Научный центр Горизонт Сидней.**

Enter.

Колесико загрузки покрутилось дольше обычного. Словно система что-то проверяла, сверяла.

«Точных совпадений не найдено».

Лиам прищурился, глаза его сузились до щелочек, в которых замерло холодное, пристальное внимание. Он перечитал. Еще раз. Мозг отказывался принимать эту абсурдную картину. Поисковик выдавал яркий, шумный карнавал: ресторан «Горизонт» с панорамными видами, курортная гостиница «Солнечный Горизонт», тома фантастических саг, модные лаунж-бары. Пестрый лоскутный мир, где это слово ничего не значило.

Но в Сиднее — тишина. Глухая, нарочитая, идеальная. Ни единой ссылки, где бы «Горизонт» соседствовал со словами «лаборатория», «исследовательский», «грант». Как будто гигантская, невидимая рука аккуратно вырезала из информационного поля целый пласт, а края аккуратно сшила, сделав шов неотличимым от ткани.

Лиам несколько раз, с хриплым упорством обреченного, вбивал запрос в разных вариациях. Менял раскладку, язык, кавычки, добавлял «скандал», «закрытие», «жертвы». Он пробовал разные поисковые машины, редкие, академические. Каждый раз — один и тот же результат. Пустота. Цифровой вакуум. Его запросы уходили в сеть, как камни в бездонный колодец, и не возвращались даже отзвуком падения. Только легкий, едва уловимый шорох — возможно, лог-файл где-то в недрах сервера, куда падали и тонули эти сигналы, отмечая лишь сам факт бесплодного поиска.

Он замер перед монитором, и весь мир сузился до мерцающего курсора в пустой строке. Пустота на экране начинала пульсировать, обретая плотность, физический вес. Она давила на глаза. Именно в этот момент он услышал за спиной мягкий шорох, шаги по ковру.

— Спасибо, что отнес меня в кровать, — сонный, немного замедленный голос Джессики прорезал тишину комнаты, как нож разрезает натянутую ткань.

— Что? — его голос прозвучал хрипло, чуть не своим.

— Я сказала, спасибо, — повторила она тише, уже без сонной интонации. — Я вчера

— Ты знаешь, где работала Мия? — перебил он. Вопрос вырвался резко, грубо, как щепка из-под топора.

— Я только знала, что она научный сотрудник. В каком-то центре.

— Знаешь адрес? — его голос стал низким, плоским, как у следователя на допросе.

— Нет, не знаю.

— А как назывался?

Она отвела взгляд к окну, где начинал пробиваться рассвет. — Что-то вроде «Горизонт», что ли? — она произнесла это слово неуверенно, с легкой вопросительной интонацией, будто

вытаскивала его из глубокого, заросшего илом колодца. Потом ее взгляд вернулся к нему, и в нем появилось что-то острое, внимательное. — Лиам, у меня такое ощущение что ты и сам не знал, где она работала.

— Ты и я знаем название, — сказал Лиам, и его голос был теперь сухим и безжалостным, как щебень. — И да, я не был у нее на работе. Не было необходимости. И я тебе говорю: такого учреждения нет. Ни адреса, ни записей в реестре, ни упоминаний в городских архивах. Ничего.

Джессика медленно провела ладонью по лицу, будто стирая остатки сна. — Странно, — произнесла она.

— Ты не помнишь, на прощании у Мии были ее коллеги? Хотя бы один? Кто-то, кто подошел выразить соболезнования?

Она задумалась.

— Нет — наконец выдохнула она. — Нет, такого не помню. Были только общие знакомые. У тебя у меня и мии как у сирот н

Лиам коротко, беззвучно выдохнул через нос. Уголки его губ дрогнули в подобии ледяной, невеселой усмешки. — Все становится еще интереснее, — пробормотал он.

Он решительным движением поднялся с кресла, заставив его жалобно скрипнуть. Накинул пиджак, лежавший на спинке дивана.

— Лиам, — ее голос окликнул его уже со стороны кухни, тихий и, против всех ожиданий, нежный. — Может, заедешь вечером? Я приготовлю ужин.

Он замер у входной двери, не поворачиваясь. — Я думаю, что нет, — ответил он наконец, глядя на ригель замка. Его голос прозвучал устало и нехотя, будто это решение далось ему большой ценой.

За его спиной воцарилась тишина. Густая и горькая. — Но, может — начала она снова, и в этих двух словах прозвучала вся хрупкость, все отчаяние, которое она так тщательно прятала.

Он не дал ей договорить. Резко, почти грубо, повернул ключ и щелкнул замком. — Я буду ждать, — донесся до него ее голос уже из-за закрывающейся двери. Тонкий, как паутина, и такой же липкий.

Лиам сел в машину, завёл мотор и несколько секунд сидел неподвижно, глядя сквозь лобовое стекло на серый фасад дома Джессики. Он достал мобильный и позвонил ей.

Гудки прозвучали всего два раза. — Да, — ответила Джессика.

Лиам не стал тратить время на предисловия. — Если у тебя есть время, — сказал он — пройдишь по соседям. У кого-то могут быть уличные камеры. Попроси копии записи.

- Хорошо, не забывай я тебя жду. — произнесла Джессика.

Он выдохнул, резко включил передачу и поехал в Центральную городскую больницу.

В административном отделе он подошёл к стойке, за которой сидела женщина в белом халате с усталым, но бдительным лицом. Не дожидаясь вопросов, Лиам достал из внутреннего кармана пиджака служебный жетон.

— Лиам Барнетт, — сказал он ровно, положив жетон на стойку между ними. — Мне нужна информация. Полное медицинское заключение и отчёт патологоанатома по случаю Мии Лиам Барнетт. Смерть полгода назад, февраль. Поступила в ваше отделение неотложной помощи с обширными химическими ожогами.

Медсестра, её бейдж гласил «Эвелин», медленно подняла на него глаза. Её взгляд скользнул по значку, затем по его лицу, задерживаясь на глазах чуть дольше необходимого. В них не было ни удивления, ни сотрудничества. Была профессиональная, отполированная до блеска стена.

— Мистер Барнетт, доступ к таким документам регулируется законом о конфиденциальности. Даже для сотрудников полиции требуется санкция прокурора или постановление суда.

— Я её муж, — отрезал Лиам, наклоняясь чуть ближе, чтобы понизить голос, но сделать его твёрже. — У меня есть право. Мне нужна эта информация. Официально. Или неофициально. Сейчас.

Эвелин задержала на нём взгляд ещё на секунду, затем беззвучно выдохнула, будто принимая решение. Её плечи слегка опустились — не от усталости, а от смирения с неизбежным. — Хорошо, я посмотрю в базе, — произнесла она монотонно, как заученную фразу. Отвернулась к компьютеру, её пальцы застучали по клавиатуре с тихим, методичным стуком, который в гулкой тишине коридора звучал как дробь дождя по жести.

Лиам наблюдал, не отрываясь. Он видел, как её глаза, отражая голубоватый свет монитора, бегут по строчкам. Эвелин медленно, очень медленно, подняла на него взгляд. В её глазах не было ни жалости, ни триумфа. Была пустота. Та же самая цифровая пустота, что он видел на экране своего компьютера. — Ничего нет, — сказала она, и её голос был абсолютно плоским, лишённым даже намёка на сожаление. — В нашей базе нет такой пациентки за указанный период. С химическими ожогами или без. Ничего.

Лиам нервно, одними губами, усмехнулся. Звук вышел сухим и треснувшим. — Такого не может быть, — прошипел он, наклоняясь через стойку так близко, что увидел, как зрачки Эвелин слегка сузились. — Вы наверняка ошиблись. Мия Барнетт. Полгода назад. Её сюда привезли на «скорой», она умерла здесь, в отделении. Я сам — его голос на секунду сорвался, — я сам приходил к ней. Подписывал бумаги.

Он искал в её лице хоть искру воспоминания, проблеск человеческого участия. Нашел только холодную, непроницаемую гладь. — Я ничего вам больше не могу сказать, — произнесла Эвелин, и её рука легла на телефонную трубку, белый пластик контрастировал с синими прожилками на её кисти. — Никакой информации о ней нет. Возможно, вы перепутали учреждение. Возможно, вам стоит обратиться

- Врач сейчас на смене дежуривший в этот день? – спросил Лиам.

- Сейчас посмотрю, да он на смене сегодня Джеймс Абрахам.

Лиам кивнул, коротко и резко, будто отдавая честь на параде. Потом развернулся и пошел прочь, ощущая на затылке её пристальный, недобрый взгляд, впивающийся между лопаток.

Он не вышел на улицу. Вместо этого он резко свернул к лифтам и нажал кнопку вызова. Двери с шипением разъехались, поглотив его. Пятый этаж. Отделение интенсивной терапии и палаты для тяжёлых случаев. Тот самый этаж.

Коридор здесь пах иначе — не хлоркой, а антисептиком, лекарствами и тихим страхом. Он подошёл к посту медсестры. — Мне нужен дежурный врач.

Медсестра, молодая, оценивающе посмотрела на него, но, видимо, решив не связываться, подняла телефон. Через несколько минут из кабинета вышел мужчина лет сорока, в мятом халате, со стетоскопом на шее.

Лиам вздрогнул. — Это не вы, — вырвалось у него, прежде чем он смог сформулировать мысль. В его памяти был другой врач — старше, с сединой у висков и утомлённым, но участливым взглядом. Тот самый, что клал ему руку на плечо и говорил: «Мы сделали всё, что могли».

Врач смотрел на него с искренним, непритворным недоумением. — Что, простите? — Вы дежурили 12 февраля этого года? — голос Лиамы звучал прерывисто, будто ему не хватало воздуха в этих стерильных, продуваемых сквозняками коридорах.

Врач, не отводя глаз, достал мобильный, пролистал календарь. Его лицо было сосредоточено, обыденно. — Да, — кивнул он через несколько секунд. — Это была моя смена. С восьми вечера 11-го до восьми вечера 12-го. А что?

Лёд тронулся где-то глубоко внутри Лиамы, с тихим, зловещим хрустом. — Как? А может, был ваш напарник? Другой врач? — Нет, — врач покачал головой, его брови слегка поползли вверх. — В ту смену я был один на этаже.

Лиам сделал шаг вперёд, понизив голос до сдавленного шёпота: — Вам привозили женщину. Днем 12 февраля. С обширными химическими ожогами. Ей констатировали смерть. Мия Барнетт.

Врач задумался. Искренне, напряжённо задумался, его глаза блуждали по потолку, перебирая картотеку памяти. Затем он снова посмотрел на Лиам и медленно, с сожалением, покачал головой. — Нет. Я не помню ничего подобного. Никаких ожогов. Вы уверены в дате?

Отчаяние, холодное и липкое, подступило к горлу. Но тут Лиам вспомнил ещё одну деталь. Последнюю деталь. — Но в палате 512, — он выдохнул. — Там лежала женщина. Вся в бинтах.

И тут лицо врача прояснилось. Он кивнул, и в его глазах появилось понимание. — А, да! Была. Но она уже была здесь почти неделю. Тяжёлые термические ожоги на производстве. — Он сделал паузу, и следующая фраза прозвучала как приговор, тихо и буднично: — И как раз в этот день, 12-го, она умерла. От сепсиса. Мы как раз готовили документы для передачи в морг.

Лиам отшатнулся, будто от удара. Он упёрся спиной в холодную стену. Мир вокруг — яркий свет, гул аппаратуры, голос врача — всё поплыло, потеряло твёрдость.

В его памяти чётко, как фотография: женщина в бинтах, лежащая в палате 512 где ему сказали, что Мии нет.

— Я я, кажется, ошибся этажом, — хрипло проговорил Лиам, отталкиваясь от стены. — Извините за беспокойство.

Он пошёл к лифту, не оборачиваясь, чувствуя, как почва уходит из-под ног уже не метафорически.

Выйдя из больницы, Лиам сел в машину, захлопнул дверь и несколько минут просто сидел, глядя в потолок. Потом он достал из кармана перочинный нож сжал его в кулаке, пока острые грани не впились в ладонь. Боль была ясной. Четкой. Единственным, что не подвергалось сомнению.

Раздался звонок, резкий и неожиданный. На экране телефона — «Джессика».

— Лиам, у меня есть... видео... — её голос обрывался. — И оно... у моего соседа через дорогу... он отправил его мне... Лиам, это *она*. Я точно уверена, это *она*.

Лиам вышел на улицу.

— Кто «она»? — переспросил он, прижимая телефон к уху, будто пытаясь физически прорваться сквозь помехи.

— Это Мия, Лиам! — её крик пробился сквозь треск. — Она на этом видео... она подходит к моему дому... кладёт конверт, в почтовый ящик!

Лёд и огонь одновременно пробежали по его жилам. Разум отказывался верить. Это невозможно. Кошмар или ловушка. Сев за руль, он впервые за долгое время включил зажигание с дрожью в пальцах.

Машина рванула с места, взвизгнув шинами. Он мчался по городу, нарушая все скоростные ограничения, его мозг лихорадочно обрабатывал информацию. *Видео. Мия. Живая.*

Он ворвался в дом Джессики, даже не постучав. Воздух в гостиной был густым, наэлектризованным её ожиданием и его диким нетерпением.

— Давай, включай! — выдохнул он, не здороваясь, с порога. Его голос звучал хрипло, почти как рык.

Джессика, бледная, с огромными глазами, молча кивнула и щёлкнула мышкой на ноутбуке. Экран ожил.

На видео, тёмном и зернистом из-за ночной съёмки, видна тихая улица, освещённая одиноким фонарём. Подъезжает серая, невзрачная машина. Останавливается у тротуара напротив — как раз перед домом, где жила Джессика. Дверь открывается.

Выходит женщина. Высокая, прямая осанка, знакомый, чёткий поворот головы. На ней простой тёмный плащ, волосы убраны. Она подходит к почтовому ящику у калитки, бросает внутрь белый конверт. Движения быстрые, отточенные.

И вот она поворачивается, чтобы уйти. Но вместо того, чтобы сесть в машину, она поднимает голову. И смотрит. Прямо в объектив камеры, что висит на фасаде дома соседа. Она смотрит несколько секунд. Лицо, освещённое тусклым светом фонаря, — чёткое, узнаваемое до каждой черты. Последнее время это лицо, Лиам видел каждую ночь во сне и каждый день на фотографии в рамке.

Мия. Не призрак, не смутный силуэт. А живая, плоть и кровь. Она даже не пытается скрыть лицо.

Напротив — её взгляд, направленный прямо в камеру, кажется намеренным, почти вызовом. *«Вот я. Вы нашли. И что теперь?»*

— Это она, — прошептала Джессика, голос её дрожал. — Это точно Мия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.